

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕТАФИЗИКИ

Можно считать общепризнанным фактом значительный рост философской науки в нашей стране за последние годы. Отрадно отметить, что этому заметно способствуют философские кадры, работающие на периферии. Иллюстрацией к этому являются работы доцента Ереванского государственного университета кандидата философских наук Г. Г. Шакаряна, в частности, «Гносеологическая сущность метафизики» и «Место здравого смысла в процессе познания», изданные Ереванским государственным университетом на армянском языке (с резюме на русском языке). Эти работы в значительной степени заполняют тот пробел, который имеется в нашей литературе по рассматриваемым проблемам.

Известно, что метафизика и как философское учение, и как метод исследования неоднократно рассматривалась в нашей философской литературе, но, как правило, в той или иной связи и в том или ином историческом проявлении, но не как целостная философская концепция. Шакарян поставил задачу в своей названной выше монографии* дать обобщающую теоретико-познавательную характеристику метафизики, исследовать ее гносеологическую природу в свете современных достижений философской науки.

Для рецензируемой книги характерно стремление ее автора по-новому, творчески подойти к исследуемой проблеме. Автор считает неудовлетворительным определение метафизики, данное в нашей философской литературе, в частности, в третьем томе «Философской энциклопедии», согласно которому метафизика — «противоположный диалектике философский метод, исходящий из количественного понимания развития, отрицающий саморазвитие» (стр. 402). По концепции Г. Шакаряна, это определение не охватывает все главные исторические, тем более современные проявления метафизики, и относится лишь к некоторым конкретно-историческим проявлениям, притом далеко не типичным для современного теоретического мышления метафизической концепции. Слабость такого определения Г. Шакарян усматривает не только в том, что такое узкое определение метафизики всегда оставляет место оправданию существования каких-то «новых» методов, наряду с диалектикой и метафизикой, или какой-то «ложной диалектики» (каким иногда считается, например, релятивизм), что, по сути дела, есть возвышение в ранг самостоятельного метода тех или иных проявлений метафизики, но и в том, что имевшее в свое время конкретно-научное содержание, но в наше время ставшее уже эмпирическим, подобное определение не может служить методологической основой для предостережения научного мышления от новых возможных форм метафизических абсолютизаций.

Автор рецензируемой работы за основу методологического подхода к выявлению сущности метафизики берет ее двуединый аспект: он рассматривает метафизику как теорию и как метод. Причем, он исходит из того, что сущность метафизики, как метода, можно раскрыть в том случае, если прежде всего выявить ее онтологическое отношение к действительности, т. е. на базе анализа сущности метафизики как философской теории. Как таковая, по концепции Шакаряна, метафизика является искаженным отражением действительности. Это свойство метафизики роднит ее с идеализмом вообще. Именно этим неадекватным, искаженным отражением действительности, и, в этом смысле, своим субъективным содержанием, по утверждению автора, метафизика приобретает общность с идеализмом. Суть этой общности заключается в одно-

* Г. Г. Шакарян, Гносеологическая сущность метафизики (на арм. языке) — изд-во «Митк», Ереван, 1967, 254 стр.

стороннем отражении явлений и особенно в абсолютизации этой односторонности. Однако эта общность вовсе не является тождеством, именно поэтому онтологический анализ природы метафизики приводит Г. Шакаряна к необходимости выявления гносеологической характеристики метафизики.

Прежде чем попытаться вскрыть гносеологическую природу метафизики, автор рецензируемого исследования считает необходимым отмежевать понятие «гносеологический корень» от понятия «гносеологическая возможность», которые, кстати, как правило, в нашей философской литературе употребляются недифференцированно. «Гносеологическая возможность», — читаем в рецензируемой книге, — это та крупная истина, которая является необходимой частью «живого дерева» процесса познания (стр. 72 — 73). Гносеологический же корень есть односторонняя абсолютизация былой истины, субъективно раздутой и превращенной в свою противоположность. Следует сказать, что всестороннее рассмотрение природы метафизики автор считает необходимым не только для решения тех философских проблем, которые касаются категории метафизики. Такую исследовательскую работу, саму по себе очень важную, Г. Шакарян условно называет работой негативного значения. Но эта работа имеет также косвенное позитивное значение. Это последнее автор усматривает в том, что всестороннее, общегносеологическое определение метафизики косвенно способствовало бы также уточнению проблематики диалектики.

Автор пытается теоретически обосновать то положение, согласно которому диалектика и метафизика прежде всего выступают как два возможных учения о движении, о самом фундаментальном свойстве материи, при этом здесь подчеркивается именно движение, а не развитие, которое есть частное проявление движения. А последнее выступает как более широкая философская категория, диалектическая и метафизическая интерпретация которой становится основой для адекватного или неадекватного осмысления бытия вообще. Различие между диалектикой и метафизикой в монографии прежде всего рассматривается не в том, что первое отражает движение, а второе отрицает его, как в грубой форме иногда представляют метафизику, а в том, что движение отражается диалектикой адекватно, верно, метафизикой же — искаженно.

Исходя из такой принципиальной установки, Г. Шакарян не только пытается выявить характерные черты метафизики как теории и метода, но и в каждом конкретном случае раскрывает те или иные соответствующие существенные свойства диалектики. Так, в частности, касаясь природы понятия «гносеологический корень», Г. Шакарян приходит к выводу: «Именно несоответствие содержания метафизических и идеалистических систем с действительностью делает неизбежным наличие гносеологических корней метафизики и идеализма... объективное же содержание материалистической диалектики делает излишней необходимость подобных корней» (стр. 74). «Диалектика и метафизика (соответственно, материализм и идеализм) с гносеологической точки зрения не находятся на одном уровне или в одинаковых положениях; принципиальная разница в их отношении к действительности или в их содержании обуславливает соответствующую гносеологическую структуру, соответствующую форму для каждой системы» (стр. 79).

Отличение понятия «гносеологический корень» от выдвигаемого автором понятия «гносеологическая возможность» и выявление их природы позволяют Г. Шакаryanу показать не только общность между метафизикой и идеализмом, но и определенные различия между ними. Эти последние, по интерпретации Г. Шакаряна, сводятся к следующему: гносеологическая возможность идеализма дана в сфере субъективной стороны мышления в то время, как любая идеализированная форма или сторона движения может стать гносеологической возможностью для односторонней метафизической абсолютизации.

Исходя из такой концепции, Шакарян делает вывод о том, что не всякое искаженное, неадекватное философское обобщение можно квалифицировать как идеализм, и что именно это существенное отличие идеализма от метафизики вполне закономерно делает возможным существование метафизического материализма (автор отвергает возможность создания метафизической материалистической системы в наше время).

Весьма интересно определение метафизики, предлагаемое автором рецензируемой монографии, как искаженное отражение сущности движения и производных от него качеств, и соответствующий научный метод исследования. А поскольку метафизика рассматривается им как определенное отражение сущности движения и его производных качеств, постольку вполне оправдано стремление автора монографии показать основные структурные элементы движения, а следовательно, и возможные формы этого искажения, т. е. возможные формы проявления метафизики.

Исходя из структуры движения, автор на первый план рассмотрения выдвигает следующие проявления метафизического искажения сущности движения:

- а) абсолютизация одной из тенденций движения (нисходящей, восходящей или изменения в пределах данной структуры);
- б) абсолютизация тех или иных сторон или свойств движения (прерывность или непрерывность, конечность или бесконечность, обратимость или необратимость и т. д.);
- с) абсолютизация некоторой формы (или некоторых форм) движения;
- д) абсолютизация некоторых проявлений отношений или связей (релятивизм, эклектика и т. д.).

Можно спорить с автором по поводу полноты перечисленных форм, даже можно поставить под сомнение обоснованность данной классификации проявлений конкретных форм метафизики. Однако нельзя не указать на то, что Г. Шакарян не только заметил эмпиричность существующего в нашей философской литературе подхода к описанию форм метафизики, но и пытается найти общегносеологическую основу выявления классификации форм метафизики, что бесспорно заслуживает самого положительного отношения. Нельзя не согласиться с автором, что только при наличии определенного общегносеологического подхода к интерпретации конкретных разновидностей метафизики «можно избежать сугубо эмпирической фиксации отдельных проявлений метафизики и тем более отождествления метафизической концепции с одним (или некоторыми) из ее исторических проявлений. Более того, подобная общегносеологическая характеристика метафизики, т. е. выявление лежащих в основе ее становления гносеологических закономерностей, позволяет предвидеть новые возможные ее проявления в связи с открытием новых реальностей и изменением аппарата человеческого познания» (стр. 250—254).

Ряд интересных соображений высказывает Г. Шакарян по поводу социальной природы метафизики, о взаимоотношении социальных и гносеологических мотивов возникновения философских систем, проблем, которым посвящена последняя, завершающая глава рецензируемой монографии. Укажем также, что вопросы, поднятые в данной главе, мало, а в некоторых случаях и вовсе не освещены в нашей философской литературе. В этой главе автор приходит, в частности, к выводу о том, что в адекватных философских отражениях действительности гносеологические и социальные мотивы действуют каждый раз созвучно, «работают» в одном и том же направлении. Между тем как в философских системах, неадекватно отражающих действительность, социальный мотив действует вопреки реальному ходу развития познания.

Далее автор проводит существенное различие между гносеологическими и социальными мотивами философских систем, где гносеологическое связывается только с понятием «корень», а социальный мотив рассматривается как причина. Оба детерминируют философские системы, но гносеологический корень детерминирует их в системе «возможность-действительность», тогда как детерминация социального мотива относится к системе «причина-следствие».

Выделяется своей новизной также морально-этическая характеристика диалектики и метафизики, в частности, философское осмысление взаимоотношения таких ценностей, как истина и мораль, которые, по взглядам Г. Шакаряна, предполагают друг друга. Вопреки утверждениям современных буржуазных и ревизионистских критиков этической характеристики диалектики, автор доказывает, что именно диалектика является жизнеутверждающим, оптимистическим учением, и, наоборот, метафизика является философией обреченных.

Эта весьма ценная работа содержит, естественно, ряд спорных положений. Ори-

гинальность постановки некоторых проблем или же новый подход к решению известных вопросов не может не вызвать в ряде случаев желания возразить автору, поспорить с ним.

Прежде всего, работа намного бы выиграла, если бы автор более широко использовал труды современных зарубежных философов, дал критический анализ тех произведений, которые воплощают те или иные формы современных метафизических концепций.

В монографии не показана также связь метафизики с агностицизмом, между тем как исследование этой связи могло раскрыть некоторые важные черты метафизики а гносеологическом аспекте.

В некоторых случаях бросается в глаза категоричность суждений автора без достаточных оснований на это или выдвижение не вполне аргументированных положений. К таким случаям относится, в частности, отнесение автором формальной логики к нефилософским дисциплинам.

Желательно, чтобы в новом издании работы автор более аргументированно и подробно остановился на подобных вопросах. А книгу Г. Шакаряна издать в русском переводе было бы вполне уместно.

Проф. Брутян Г.